

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 101(8)

*О.В. Боровкова*МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ ТОПИКИ ПОСРЕДСТВОМ
«ВЫЯВЛЕНИЯ ТОПОСА»

Топика как способ исследования, разработанный Аристотелем, на протяжении истории философской мысли претерпевает изменения и в содержательном плане, и в статусе. Он не получил распространения прежде всего из-за поисков универсальных методов познания в философии Нового времени, а после обращения философов к способам неформальной аргументации превращается в риторический метод, теряет самостоятельность. В этой ситуации дальнейшее развитие топики как эффективного способа исследования, прежде всего в сфере социально-гуманитарных наук, может идти по пути использования одного из важных аспектов топики, ее «ядра» – выявления топоса. В статье осуществляется попытка разработки метода выявления топоса, приводятся обоснования эффективности его использования в научных исследованиях.

Ключевые слова: топика; топос; топ; диалог; аргумент; место; граница; имя.

Разработанный Аристотелем способ исследования, названный им «топика» и дошедший под этим термином до наших дней, имеет сложную историю и до сих пор не оценен в полной мере.

Эта неценность преследовала топику с самого ее появления. Еще Секст Эмпирик писал о том, что «трактат этот пользуется малой популярностью...» [1. С. 17]. Много позже А.Ф. Лосев замечал, что топика так и не понята и при разъяснении учения о топосах «многие, даже весьма ученые собеседники начинают разводиться руками и выражать полное непонимание предмета» [2. С. 336].

Первую причину этого назвал сам А.Ф. Лосев: топика не выдержала конкуренции с двумя «Аналитиками» самого же Аристотеля. Вторая причина в том, что самим Аристотелем «заданы» сложные отношения топики и диалектики. Как известно, метод, изложенный в «Топике», он вначале назвал диалектикой, а в древней Греции диалектика развивалась в двух направлениях. Первое направление связывается обычно с Сократом – это умение вести беседу и умение достигать истины путем раскрытия противоречий в аргументах противника. В этом случае диалектика – метод философствования, когда находятся и снимаются противоречия. Второе направление – диалектика как учение о развитии природы в виде стихийной диалектики философов милетской школы. Попытки «размежевания» топики и диалектики предпринимались Алкуином, а затем и Боэцием. Третья причина связана с философским творчеством Платона, который определил «линию», отделив логику – «истинное» учение об аргументации – от всех других видов аргументации, основанных на вероятностных знаниях. Последние не признавались истинными и если использовались, то, в основном, как дополнительные в исследованиях. В качестве четвертой причины можно назвать непопулярность способов неформальной аргументации, среди них и топики, связанную с поисками (начавшимися в европейской философии с XVII в.) универсальной теории и универсального рационального метода. В результате – на периферию были отодвинуты методы, основанные на принципе правдоподобия.

В XIX–XX вв. процесс обновления философской мысли приводит к обращению философов к способам

неформальной аргументации и в том числе к топике, они оказываются в центре внимания как способы исследования для социально-гуманитарных наук. Но топика в этой ситуации теряет свою самостоятельность – она принимается, по словам Т. Фивега, в качестве, прежде всего, «риторического метода» или части риторики. Довольно большую роль в этом сыграла работа Х. Перельмана, в которой на основе трудов Аристотеля и опыта юридической и судебной аргументации разработан метод, названный им «Новая риторика», которую можно назвать и «новой топикой», так как метод предполагает использование пространственной организации мысли. Это является еще одной причиной недостаточного внимания к топике, препятствием для выделения ее как самостоятельного способа исследования и к ее дальнейшей разработке. Поэтому, на наш взгляд, дальнейшее развитие способа пространственной организации должно идти по пути использования одного из очень важных аспектов топики, ее «ядра» – выявления топоса.

Но на этом пути возникает ряд проблем. Одна из них – проблема «разведения» ключевых понятий топики – «топ» и «топос», связанных с разработкой и реализацией данного метода. Проблема заключается в том, что в некоторых случаях исследователями употребляются эти понятия как взаимозаменяемые, без разделения их значений. Причиной смешения понятий может быть то, что в некоторых областях знания их разделение не имеет большого значения и не искажает смысл исследования. Другая причина, на наш взгляд, в том, что эти термины имеют изначально один и тот же перевод – «места», «общие места», и некоторое различие в их понимании сложилось в процессе развития знания.

Вторая проблема – проблема использования этих понятий во многих областях знания (топике, топологии, риторике, литературоведении, физике, геометрии и др.). В этом случае они приобретают значения, связанные со спецификой каждой из них, и соответствуют целям тех способов аргументации и доказательства, которые пригодны для той или иной области знаний, каждая из которых предполагает, по словам Х. Перельмана, свою топику, и в зависимости от этого значения данных понятий могут быть различными.

В-третьих, используя термины «топ» и «топос» в качестве синонимов, исследователи отмечают их многозначность, пытаются каждый по-своему решить эту проблему, например как К. Дурэм, выделяя ряд значений или уровней. Он приводит два определения топа, обозначив их как поверхностный и более глубокий. Определение, предназначенное для раскрытия поверхностного уровня, предполагает взгляд на топы как «подручные памяти, или маркеры» для тем, которые рассматриваются, или аргументов, которые надо привести в речи. На втором уровне топы определяются как начальные точки «креативности и изобретательности в процессе разрешения проблем и борьбы с ними» [3. С. 13]. Другие исследователи осуществляют попытки именно развести понятия, анализируя содержание понятий «топос» и «общее место». Подобная попытка выделения различных смыслов этих понятий будет предпринята и в данной работе.

Анализ употребления этих терминов позволил выделить два их основных значения: первое будет соответствовать термину «топ». Топ – это штамп, клише, повторяющийся мотив: Э.Р. Курциусом такой смысл придавался ему путем трансформации из риторики в литературоведение. Близким такому пониманию является определение топа А.А. Волковым, который считает, что топ – это «положение или распространенное мнение, убеждение, основанное на признании его истинным или правильным, на основе которого конкретное доказательство представляется истинным или правильным» [4. С. 58]. Х. Перельман считает, что топы – это «заголовки, под которыми могут быть классифицированы аргументы», и в этом качестве они являются «хранилищами аргументов» и «могут служить фундаментом для ценностей и иерархий» [5. С. 83–84]. Топы предстают в этих случаях как общие положения, объективное наличие которых предполагается вне логических доказательств.

Таким образом, поиск топов для аргументации и доказательства – это поиск штампов, клише, распространенных убеждений (среди них могут быть аксиомы, общепризнанные результаты опыта, догматические положения, правила морали и др.).

Топос в данном случае более сложное понятие – это место сосредоточения, пересечения смыслов, смысловый концентрат, с одной стороны, с другой – это место разворачивания смыслов. Пересечение и сосредоточение смыслов являются гарантом того, что, по словам М. Мамардашвили, «нечто в этом топосе не является частью какого-то другого целого. Это нечто не относится нами к другому целому, и тогда оно составляет топос явлений, которые мы рассматриваем» [6. С. 61]. Таким образом, выявляется нечто равное самому себе, некие смысловые модели, способствующие развитию мысли о предмете речи.

По определению С.Х. Ляпина, топосы – это локально-организованные смыслообразующие пространства [7]. Если топ имеет место уже до начала аргументации или исследования его только следует найти или «подобрать» и применить к области аргументации или доказательства, то нахождение топоса – это и есть само исследование, предполагающее сначала получение результата в виде выявления места сосредоточения смыслов, смыслового

концентрата (топоса) или пространства топоса. Смысл при этом концентрируется не в центре, а на границах вещи, где осуществляется встреча с иным. Поэтому топосы – это границы. Именно так топос фиксируется А. Родиним в работе «Среда и событие»: «Топос, – пишет он, – это всегда некоторая граница – не то, что ограничено, а прежде всего сама граница, не какая-то определенная вещь, а сами пределы вещи» [8].

Такое представление о месте существует со времен Аристотеля. В «Физике», раскрывая содержание и смысл понятия «место», он рассматривает два его проявления. С одной стороны, общее место, «в котором находятся все тела», с другой, – место особое, в котором «помещается данное тело». Особое место, по Аристотелю, – «это первая неподвижная граница объемлющего тела» [9. С. 132].

Граница, как отмечают многие исследователи (и среди них Кант, Гегель, рассматривавшие границу как пространство особого рода), – место, которое «содержит в себе идеально моменты нечто и иного, и в то же время они как различные моменты положены в сфере наличного бытия как реально, качественно различные» [10. С. 188]. Границы всегда определяются не сами по себе, а другими пространствами – это переход из одного пространства в другое, поэтому их структура связана с «отношением» к другому пространству. Выделяются «внутренняя» и «внешняя» границы, и смысл любой вещи определяется как первой, так и второй, так как не все вещи могут граничить друг с другом. То, с чем вещь граничит или с чем не граничит (т.е. каковы ее отношения с иным), показывает, что есть вещь, в чем ее смысл.

Х. Плеснер, исследуя структуру границы, как состоящую из внутренней и внешней стороны вещи, пишет, что внешняя часть «нагыкается» на нечто иное, а внутренняя соприкасается с «вещественным телом»: «В контурах, внутри своих краев заключено вещественное тело, или, что здесь то же самое, контурами, своими краями, вещь определена как таковая» [11. С. 73].

Топос, кроме того, подвижная граница. Он способен включать в себя вновь обнаруженные или приобретенные качества вещи, которые не выходят за пределы основного смысла – за рамки топоса. Выявление топоса происходит по отношению к другим топосам, на пересечении границ. Топос содержит в себе историко-философские традиции, и даже будущие подходы к некоему феномену или объекту, его различные интерпретации. По мнению Дурэма, «топическое мышление дополняет себя именно в форме интерпретации, которая стремится открыть новые возможности для понимания без повреждения старых» [3. С. 30]. Это означает, что, не разрушая смысловое ядро вещи, можно исследовать ее с новых точек зрения, пополнять знания о ней и в то же время отказаться от старой ее интерпретации, если новые факты и данные разрушают рамки смысла. Таким образом, возможна «проверка» смыслов, что позволяет избежать как поспешных разрушений топосов, так и устаревших взглядов на вещь. Пространство топоса предполагает постоянное потенциальное внимание исследователя.

Таким образом, поиск топа и выявление топоса – это разные вещи. В первом случае мы ищем сами топы в качестве доводов, как заготовки, не производя про-

верку на истинность: значение имеют лишь убедительность, общепризнанность. Во втором случае нас интересует сама вещь или явление, их смысл, возможности их расположения среди других вещей и явлений, проявления всех их «сторон».

Но несмотря на различное значение этих понятий, представляется, что топ и топос взаимосвязаны, так как для выявления топоса на одной из стадий (собрание) учитываются и топы как общераспространенное мнение. Они могут выступать в качестве подручных для исследования – выявления топоса. Топ, в его словесном выражении, может содержать часть смысла, более или менее понятного в обыденном употреблении, но для того чтобы вещь или явления были проявлены полностью, необходимо выявить топос. С другой стороны, топос как результат может использоваться как топ.

Топом обеспечивается «удержание» смысла, его фиксация, топос предполагает возможности расширения смысла, что ведет к устранению сверхдетерминизма традиции. Возможно, это и имел в виду Р. Барт, сказав, что «топика наполовину кодифицирована, наполовину проекционна» [12].

Взаимосвязь этих понятий, прежде всего в философии, может проявляться и в том, что существует возможность производить «перепроверку» топа. Вообще топ в философии в том значении, в котором он принимается в данной работе, существует до тех пор, пока не «устареет»: перестанет воздействовать на аудиторию и не станет способствовать убедительности аргументации, либо пока его объективное наличие предполагается вне логических доказательств, и он не будет являться предметом познавательного интереса. Успех нового топа приводит к его закреплению и широко используется некоторое время.

Непреложность топа может быть разрушена самой процедурой выявления топоса. Например, в большинстве случаев признается очевидным, что у человека пять пальцев и «если от пяти пальцев одной руки отнимете два и от пяти пальцев другой руки также отнимете два, то число оставшихся пальцев будет равно» [13], но известны случаи шестипалости.

Выявление или выделение топоса должно производиться в несколько этапов, включающих в себя процедуру именования, организации диалога и поисков пересечения смысла.

Первым этапом является обнаружение нечто как существенного, средоточия проблемной ситуации и фиксация. Как заметил А. Родин, для выявления топоса вещь должна быть названа. Это предполагает в первом случае фокусирование внимания на трудноопределяемых понятиях, уже поименованных; во втором – именование. И в первом и во втором случае вещь признается существующей. Именно о таком начале исследования писал Боэций, считавший первым делом «божественной природы» человеческой души... дознание относительно каждой вещи, есть ли она, а уже затем, что она есть, какова она, и т.д.» [14. С. 6].

Само именование, или номинация, состоит из нескольких стадий. Стадия обнаружения и фиксации может иметь место на этапе «лектона». Лектон – это образ сущности, занимающей место в пространстве, сосредоточившейся в целое, но рационально не обозна-

ченной. В этом случае это еще не поименованное целое должно пройти процедуру номинации. На этой стадии происходит первоначальное «схватывание целого» [15], фиксирование «нечто», обнаружение некоей целостности (лектона), которая может быть и не названа: лектон может воздействовать с уровня подсознательно. Здесь выделяются и перечисляются феномены, свойства, присущие вещи (для этого используются уже поименованные сущности), и это предшествует именованию. В результате происходит складывание определения понятия из еще не оформленной группы слов и понятий, где единство еще неочевидно.

Следующая стадия, которую можно назвать «первоначальное именование», предполагает название вещи в виде многословных выражений, связанных в неразрывном единстве – экзистенциалов – логико-содержательных элементов. Именование в таком виде свойственно, например, И. Канту (вещь-в-себе и др.), Гегелю и особенно М. Хайдеггеру (бытие-к-смерти и др.). Это стадия «интуитивно ухваченной целостности», где единство уже проявлено в совокупности свойств лектона. Философы, именуемые таким образом, часто останавливаются на данном этапе, так как экзистенциалы для них полностью проясняют ситуацию.

Третий этап – это превращение экзистенциала в определение «его авторское поименование» [15]. Проблема именования, или номинации, в литературе, как зарубежной, так и отечественной, всегда вызывала большой интерес, но особенно – значение именования для именуемой вещи. И в этом смысле можно выделить несколько позиций, которые выражают это значение. Во-первых, именование, или номинация, как пишет А.Н. Книгин, «подразумевает, что именуемая вещь существует» [16. С. 95]. Во-вторых, по словам Лосева, «именовать значит точно и резко отличать именуемое от всего прочего» [17. С. 174]. То есть имя не выделяет нечто одно из чего-то другого, но отличает одно от другого, названного другим именем.

В-третьих, Лосев, назвав имя орудием отличия от всего иного, определил его и орудием общения с ее смыслом. Под смыслом вещи он понимает не только ее универсальное значение, но и, прежде всего, ее реальную значимость, то, чем она реально отличается от других вещей [18]. М. Хайдеггер в своей работе «Гельдерлин и сущность поэзии» сказал: «Подлинное именование есть отклик мышления на взывание к нему бытия как такового» [19]. У Лосева «порядок общения» иной, на первое место он ставит «взывание» мышления к предмету и получение его сочувствия и отклика. Так или иначе, но можно сказать, что именование – это своего рода общение с вещью, и общение взаимное. Но каким именно образом может происходить это общение? Ведь имена есть как у физических вещей, так и у «мыслимых», не означающих никакой физической реальности. Как пишет А.Н. Книгин, «в дескрипциях и умозаключениях мы их не отличаем от имен, обозначающих нечто физически существующее» [20. С. 95]. В любом случае, как отмечает Лосев, общение с именем как физической, так и мыслимой вещи есть невещественное общение [19]. В-четвертых, необходимо отметить, что именование – это не создание, а открытие, так как то, что именуется, уже занимает свое

место в бытии. Три этапа именованя, выделенные выше, – это номинация во всех ее проявлениях, и не всегда требуется прохождение их всех. Именоване может осуществляться и другими способами (которые не исключают вышеуказанные).

Следующая проблема именованя связана с «причиной» имени, с тем, почему вещь называется так или иначе, как и через что имя связано с вещью. Можно выделить несколько таких причин, проявившихся в историко-философских традициях. Например, именоване может быть связано с представлением о «похожести» имени на вещь. Такой способ именованя имеет пересечения с давней традицией. Как пишет Е.М. Галкина-Федорук, одной из концепций именованя вещей была та, что вещи обозначаются именами соответственно своей природе [21]. Для сторонников этой теории вещь мыслилась как целостный комплекс – единица конкретного мира, с которой неразрывно связано ее наименоване, обусловленное самой вещью и являющееся ее нераздельной частью. Различие имен рассматривалось как различие в вещах, обусловленное природой самих вещей. Строение слова соотносилось со строением самого предмета. Атом соотносился с буквой, сочетание атомов – с сочетанием букв в словах. Это основные положения атомистической теории языка, которая удовлетворяла требованиям понимания соотношения слова и вещи достаточно долго. Наиболее ярко данная позиция проявилась у Августина, который в работе о диалектах приводил следующие примеры: *lana* обозначает шерсть. Как мягка сама шерсть, так и мягки звуки, положенные в название ее; *verges* – терн, звуки и для слуха грубы, так же как грубы те предметы на осязание, которые названы этими звуками.

Еще один вид именованя, имеющий глубокие корни, идущие от Гераклита, Демокрита, Протагора и др., заключается в том, что именоване происходит по договору, условно (иногда оно называется «обыденным»). Примером такого именованя можно считать перечень человеческих имен. Особенности такого именованя заметил и Бэций, сказав, что человеческие имена могут не выражать их бытия. Но, давая имя человеку или какой-либо вещи, именующий может руководствоваться понравившимся звучанием слова (т.е. здесь на первый план выступают звуковые предпочтения), созвучием с именем какой-либо вещи или явления, либо имя связывается с людьми или предметами, уже носившими это имя. Называя ребенка именем героя, красавца, успешного человека, производят некое магическое действо, рассчитывая на повторение удачи. Это же относится и к вновь возникшим предметам, с которыми связывают свою деятельность (предпринимательскую в том числе).

В своей работе «Имена» П. Флоренский отметил именоване (или переименоване), связанное с идеологией. Ярким примером этого он называет объемлющее именоване, произошедшее в России после Октябрьской революции. Эти имена – своего рода клеймо или тавро, обозначающее принадлежность новой власти. С точки зрения П. Флоренского, это рациональный подход к именованию, где имена воспринимаются как нечто мнимое, абстрактное, внешнее по отношению к вещи [23. С. 490]. В. Виндельбанд же считает, что любое именоване или, точнее, обозначение «покоится на

историческом произволе и потому может быть до известной степени независимым от сущности обозначаемого» [23. С. 468].

Именоване также может быть основано на использовании уже существующего имени (например, в обыденности, где наблюдается многозначность) и придания ему более узкого и глубокого смысла или значения. При этом происходит фиксация в виде изменения в знаке (в изображении слова): например: другой – Другой, малое время – Малое время и т.д. Имя, кроме того, может раскрывать только часть смысла, связанного, например, с употреблением вещи или наиболее яркой в это время стороной вещи или события.

Именоване может производиться путем трансформации из одной предметной области в другую: например: климат – социальный климат, атмосфера – политическая атмосфера и т.д., с сохранением основы смысла (топоса).

Еще одним видом именованя может быть создание симбиоза. Например, возникает лектон, предполагающий существование нечто, соединяющего в себе черты и свойства двух понятий. При этом соединение происходит не как объединение, а как сочетание, так как каждое из имен отражает некое самостоятельное существование (например, социально-историческое время).

Таким образом, именуя или называя вещь, мы очерчиваем контур: имя, по словам А.Ф. Лосева, – это «предел, форма, граница» [24]. Обнаруживается нечто, что становится существенным, принципиально важным, местом-средоточием проблемной ситуации. Первоначально это пустое место, нуждающееся в заполнении: это фон, на котором могут существовать любые качества вещи, помещаемые в очерченных границах. «...Именоване и описание, – пишет Л. Витгенштейн, – не находятся на одном уровне: именоване есть подготовка к описанию» [25]. «...Тем, что вещь названа, – продолжает он, – не делается еще ничего». Для того чтобы слово зазвучало, чтобы имя имело значение, оно должно быть помещено в смысловое пространство. Помещение в смысловое пространство не означает, согласно мнению А. Родина, что имеется в виду абсолютное пространство, разбитое на участки, в котором есть некое первоначальное пустое или свободное место для сосредоточения смыслов вещи, т.е. для топоса вещи. Это место определяется именем, «вырастает» из него.

Следующий этап, таким образом, – это «наполнение» места утверждениями, фактами, «относящимися к делу» (по Аристотелю), как реализовавшимися, так и не реализованными в истории мысли, а также собственными убеждениями (теми, что правдоподобны для осуществляющего процедуру субъекта). Это наполнение происходит через диалог, так как в отличие от аналитической логики, представляющей собой монолог, диалектическая логика (топика) – это диалог. Необходимо заметить, что интерес к проблемам диалога и коммуникации явился одной из причин возрождения интереса к топике и выявлению топоса. М. Бахтин по этому поводу писал: «Идея начинает жить..., только вступая в существенные диалогические отношения с чужими идеями» [26. С. 100].

Главным действующим лицом диалога в данном случае является исследователь. Первым его шагом яв-

ляется «организация» диалога. Он рассматривает, исследует взгляды на зафиксированную проблему, но сам еще, если можно так сказать, «не участвует» в споре. Здесь перед исследователем встает проблема выбора – с чьим мнением считаться, а с чьим нет. В риторике она решается в пользу авторитета: один из видов аргументации – аргументация к авторитету. Но и в риторике это является проблемой. Д. Стоун, например, утверждает, что для того, чтобы идентифицировать топосы, на которых могла бы основываться риторическая аргументация, необходимо установить «точки согласия между мудрыми». Но определение того, кто является мудрым, а также что мудрость означает в данном случае – оказывается проблемой практически неразрешимой. Сам Стоун признает, что мудрость в неориторике «остаётся предпосылкой неосязаемой и смутной» [27. С. 337].

Если обратиться к заявленному методу – «выявление топоса», то ссылка на авторитет не имеет большого значения. Но и сбрасывать со счетов аргументацию к авторитету все-таки нельзя: хотя, как считает Г.И. Рузавин, ссылка на авторитеты не может заменить доказательства и обоснования, но может все-таки быть косвенным доводом [28]. Несомненно, что первоначальное понимание, создание мысленного образа, «смыслового пятна» связано именно с предпочтением авторитетных мнений в области применения топики. Но для более глубокого прояснения смысла в диалог могут «привлекаться» мнения из других областей знания, и соответствие одних положений другим может быть одной из гарантий эффективности исследования, так как топос – это место сосуществования и одновременного полагания различных подходов к некоторому феномену – объекту, а также пространство пересечения смысловых полей. Вероятно, что возможно приписывание суждений «авторитетам», которые они не высказывали, но это является еще одним побудительным мотивом для тщательного исследования.

Второй шаг – это когда в организованный им диалог вступает исследователь, занимающий позицию толерантности. Толерантность здесь выступает в качестве одного из методологических принципов. Этот принцип реализуется через взаимное присутствие множества мнений, взглядов, результатов исследования, связанных с проблемой. Несогласие с какими-либо мнениями не предполагает их устранения. Каждое мнение – это либо лишнее подтверждение полученного результата, либо побуждение к более тщательной проверке его. Еще Аристотель в «Метафизике» замечал, что «справедливо быть признательным не только тем, чьи мнения мы можем разделить, но и тем, кто высказался более поверхностно: ведь и они в чем-то содействовали истине» [29. С. 94]. Отказ от толерантности может привести к искажению результата исследования.

Третий уровень диалога – это диалог с самим собой, когда исследователь обдумывает проблему, приводит аргументы, рассматривает свойства и качества вещи, которые для него являются очевидными или вероятными, и в некоторых случаях опровергает их. Диалог продолжается на протяжении всего исследования.

Далее необходимо рассмотреть вопрос о предмете диалога в этом случае, как именно достигается результат исследования – топос вещи.

Знание имени вещи или явления не означает знание их самих, поэтому необходим постепенный поиск тех пространств, в которых вещь может быть обнаружена, может существовать, и тех, в которых ее существование невозможно.

Выявление топоса производится в зависимости от цели исследования двумя основными путями. Эти «пути» не противопоставляются, а рассматриваются как взаимодополняющие: можно сказать – это две стороны данного метода исследования. Первый путь – это нахождение «общего места». Общее место – это то, что объединяет множество, на первый взгляд, различных предметов, явлений, различных определений и представлений о вещи. Например, какая-либо проблема может быть общим местом (топосом) целого ряда исследований. Второй путь – выявление топоса единичной вещи, который можно рассматривать как возможное место разворачивания смыслов данной вещи. Исследование может начинаться либо с поиска общего места, либо с нахождения топоса единичной вещи в зависимости от задач исследования.

Любое наименование, как замечает А. Родин в своей работе «Среда и событие», состоит из двух частей – собственного имени вещи и имени ее рода. Род показывает, где искать вещь, а сама вещь выделяется своим собственным именем. Род является индивидуальным топосом. Роды «населены» не любыми вещами, а вещами определенного рода. Выявление индивидуального топоса образует смысловые рамки, ограничивающие общий топос, являющийся собственным именем вещи. Имя вещи – это общий топос или общее место, так как одним и тем же именем могут быть названы самые разные вещи, самых разных родов, поэтому общий топос неизбежно пересекается с другими общими топосами, так как род не может иметь лишь одно имя. Пересечение общего и индивидуального топоса (имя и род) – это тоже топос. Необходимо заметить, что «в топике, – как пишет А. Родин, – мы имеем ситуацию, зеркальную по отношению к ситуации в логике: там собственное имя оказывается индивидуальным, а родовое общим, здесь же все наоборот» [8].

Как индивидуальный, так и общий топос и топос вещи в целом выявляется через «наполнение» пустого места. Необходимо заметить, что, говоря об имени как пустом месте, мы делаем некоторое допущение, так как само именование уже предполагает некоторое знание о вещи или явлении. Наполнение этого места совокупностью признаков и положительных определений вещи недостаточно для полного проявления ее образа, получения полного знания о ней. Для того чтобы получить представление о вещи, необходимо знать, что она не есть. Уже наполняя место положительными определениями, мы предполагаем, чем вещь не является. Как верно заметил А. Доброхотов, «когда я говорю о предмете, я автоматически говорю о всем том, чем предмет не является. Значит, это автоматически описание и самого предмета, и поля, где его нет, – поля инобытия». Конечно, здесь не предполагается равенство бытия и инобытия – инобытие вторично и из него ничего не выводится, тогда как из бытия выводится инобытие. «Поэтому иное всегда будет функцией бытия, без которой бытие не утвердит себя» [30]. Фокусируя взгляд на исследу-

дуемой вещи и описывая ее, мы в то же время неявно описываем и среду. Среда – это топосы, которые граничат с выявляемым топосом. Именно на границе, на пересечении с другими топосами, происходит сосредоточение смыслов вещи. Вл. Соловьев в «Критике отвлеченных начал», высказываясь о смысле, писал: «Разум, или смысл, вещи состоит именно в её отношении ко всему...» [31. С. 674]. То есть пространство смыслов формируется через отношения топосов к другим топосам.

Таким образом, как мы видим, при «наполнении» места взгляд сфокусирован на самой вещи, а ее иное находится в «тени». На следующем же этапе исследования взгляд фокусируется на различиях с иным.

Для того чтобы рассмотреть вещь через граничащее с ней иное, необходимо его найти, так как, например, дерево и разум не имеют общих границ: общее в них лишь то, что они имеют имя, а значит, признаются существующими. И. Кант предостерегал от трансцендентальной амфиболии: чтобы ее избежать, необходима трансцендентальная рефлексия. Последняя помогает определить, объектами какой познавательной способности является этот предмет – чистого рассудка или чувственности. Вещь может исследоваться как «эта» вещь, занимающая место в физическом пространстве, но также как мыслимая, когда исследуются пределы распространения ее смыслов. Но существуют также и вещи, «постигаемые только разумом» – интеллигибельные сущности [32]. И. Кант считает, что принцип тождества и различия вещи самой по себе и явления действует по-разному. Мыслимая вещь отличается от другой такой же, если внутренние определения не совпадают. Вещь, которая занимает место в пространстве, различается еще и по местоположению.

Другими словами, каждая вещь имеет «свое» иное, с которым она находится в отношении «различия», которое предполагает сопоставимость, возможность сравнения – то, что может «подтвердить» существование исследуемой вещи. Сравнение же, или сопоставление *разного*, может привести к совершению ложных шагов. Разное в нашем понимании и в данном случае – это то, что несопоставимо и не входит в противоречие. Можно проиллюстрировать эту ситуацию словами М.К. Мамардашвили. Говоря о соединении, он пишет: «Мы можем производить некое соединение – бытие чего-то есть соединенное нечто – мы соединили одну стену дома с другой, третьей, четвертой. ...Как показывает Платон, и как говорил до него Парменид, можно и неправильно соединять. Я могу соединить стену дома, скажем, с задницей лошади, проходящей мимо дома» [33. С. 59].

Сопоставимость вещей, событий, явлений определяется принадлежностью к физическому или смысловому пространству, к одному и тому же роду либо совпадением собственного имени (здесь предполагается либо общее родовое имя (индивидуальный топос), либо собственное (общий топос)). Исследование осуществляется путем противопоставления вещей, явлений и т.д., имеющих общее собственное имя и имеющих общее родовое имя.

Необходимо отметить, что поиск различия относится не только к сопоставлению граничащего с вещью иного, где пересечения касаются внешних границ, но и к сопоставлению того, что образует пересечения в самом пространстве топоса, т.е. частных различий.

Таким образом, вся процедура выявления топоса (сосредоточения смыслов) выполняется по принципу сходства и различия. Именованное предполагает, что некое сущее сходно с другими тем, что есть и имеет имя, в остальном, мы полагаем, оно различается: «Глагол «есть» сказывается обо всех одинаково, но при всем этом им всем присуща не какая-то одинаковая субстанция или природа, но только имя» [14. С. 12]. На следующей стадии исследователь, организуя диалог, предполагает как сходство, так и различие мнений. На третьей стадии принцип сходства и различия превращается уже в способ исследования. То есть на всем протяжении исследования как принцип сходства, так и принцип различия используются, пересекаясь и «сопровождая» друг друга, при этом проявляясь в различных соотношениях: на различных этапах исследования ученый фокусирует внимание на том или ином принципе.

Данный способ – выявление топоса – представляется перспективным для исследований в различных областях знания, но более всего в социально-гуманитарных и философии. Его преимущества заключаются в том, что он является наименее нормированным типом мыслительной техники, а гуманитарное знание и философия предполагают достаточно часто неопределенные, проблемные ситуации, где неприменимы аподиктические заключения.

При реализации метода предполагается использование и логики, и интуиции, и воображения, и скрытых аналогий, а так как объекты социально-гуманитарных наук и философии являются системами, относительно которых невозможно прямое выявление их внутренней структуры, то принцип топоса также может быть применим к их описанию.

Говоря о топике, ядром которой, как упоминалось, является выявление топоса, Т. Фивег назвал ее способом проблемно-ориентированного мышления, который был развит риторикой. «Она представляет собой, – утверждает он, – умственную работу, в корне отличающуюся на каждом уровне от той, которая существует при дедуктивной системе» [33. С. 2].

Гипотетико-дедуктивный метод предполагает заранее заданные алгоритмы и сужает круг поиска новых истин [28], «уводит от решения проблем. Чем длиннее дедуктивная цепь рассуждения, тем менее пригодно заключение для разрешения конкретной проблемы. Она остается нерешенной, и поэтому исследователь вынужден снова пересматривать посыпки, находить новые, и в результате он неминуемо придет к искусству изобретения, то есть топике как *ars inveniendi*» [34].

Данный метод позволяет учесть и общие положения, и конкретную ситуацию, и видение этой ситуации, поэтому он может «помочь заполнить пробел между теорией и практикой» [27. С. 335], с одной стороны. С другой стороны, контакт внешнего и внутреннего, исторически далекого и близкого, который устанавливается в пространстве топоса, позволяет преодолеть сверхдетерминизм традиции, часто ведущий к фатализму и догматизму.

Как отмечает К. Дурэм, топика позволяет открыть новые возможности, без повреждения старых, рассматривая старые ответы с новых точек зрения, и позволяет дать старым ответам новый поворот [3. С. 30].

В результате применения способа выявления топоса образуется некая предохранительная сеть, где каждая

ячейка граничит с другими и, таким образом, вещь и иное «подтверждают» друг друга. Благодаря этому появляется возможность исключить эклектическое соединение фрагментов различных концепций, избежать

ложных шагов в исследовании, направить исследование в философии и социально-гуманитарных науках по верному пути, достичь наибольшей степени вероятности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Секст Эмпирик*. Соч.: В 2 т. М., 1975. Т. 1.
2. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975.
3. *Durham, Cole W. Jr.* Foreword to: Vieweg, Theodor. Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993.
4. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М., 2001.
5. *Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л.* Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
6. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М., 1997.
7. *Ляпин С.Х.* Концепты и топосы, или Еще один подход к пониманию преподавания философии // Современные подходы к преподаванию философии. Архангельск, 1998.
8. *Родин А.* Среда и событие // Событие и смысл. М., 1999.
9. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 3.
10. *Гегель*. Наука логики: В 3 т. М., 1970. Т. 1.
11. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
12. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. URL: <http://www.m-kultura.ru/fragmenty-rechi-vlyublennogo/>
13. *Лейбниц Г.В.* Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 2.
14. *Бозций*. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.
15. *Петров Н.М.* Начала содержательной логики // Категории. Философский журнал. 1997. № 1.
16. *Книгин А.Н.* Учение о категориях. Томск, 2002.
17. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя // Лосев А.Ф. Имя. Сочинения и переводы. СПб., 1997.
18. *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1960.
19. *Хайдеггер М.* Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. № 1.
20. *Книгин А.Н.* Учение о категориях. Томск, 2002.
21. *Галкина-Федорук Е.М.* О форме и содержании в языке // Мышление и язык. М., 1957.
22. *Флоренский П.А.* Имена. Харьков, 1998.
23. *Виндельбанд В.* Философия культуры: избранное. М., 1994.
24. *Лосев А.Ф.* Средневековая диалектика. URL: www.PHILOSOPHY.ru/library/losef/dial.html
25. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 79–128.
26. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
27. *Stone Julius.* Legal System and Lawyers Reasoning. Ch. 8 «Reasons and Reasoning in Judicial and Juristic Argument». London, 1964.
28. *Рузавин Г.И.* Методологические проблемы аргументации. М., 1997.
29. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1.
30. *Доброхотов А.Л.* Мир как имя // Логос. 1996. № 7.
31. *Соловьев В.* Критика отвлеченных начал // Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1.
32. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964.
33. *Vieweg Theodor.* Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993.
34. *Соболева А.К.* Топика и аргументация в юридических текстах: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 апреля 2011 г.